

обратили внимание¹⁶. Представляется, что анализ этих изданий позволил бы значительно усилить авторские наблюдения о непростых отношениях.

***Любовь Мельникова: «Властитель слабый и лукавый»?
Ещё одно неверное понимание Александра I***

Liubov Melnikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «The ruler weak and sly»? Yet another misunderstanding of Alexander I

DOI: 10.31857/S2949124X24060102, EDN: RMBVEX

В книге Е.М. Болтуновой, посвящённой Николаю I, значительное внимание закономерно уделено Александру I, от которого главный герой её сочинения унаследовал не только российский престол, но и корону созданного им Царства Польского. Опередивший своё время император, как известно, был понят не всеми современниками и получил разные оценки в историографии. К сожалению, приходится констатировать, что данная монография в этом отношении не только не приближает к исторической истине, но делает значительный шаг назад. Сильный, дальновидный и талантливый политик предстаёт на её страницах как слабый и недалёкий правитель, руководствовавшийся в основном эмоциями и совершавший ошибку за ошибкой. Следуя избитой, но далеко не бесспорной характеристике Александра, приписываемой А.С. Пушкину («Властитель слабый и лукавый... нечаянно пригретый славой»), автор выстраивает упрощённую и даже неверную концепцию. Оставив армию в июле 1812 г., император якобы оказался не у дел, «наблюдал за событиями... издалека» (с. 258–259), «утратил... сопричастность происходящему», «был практически изолирован в отношении принятия решений, связанных с ведением военной кампании» (с. 267), а потому «не имел прямого отношения» к Отечественной войне, фактически «пропустил» её (с. 259). В связи с этим авторитет государя в русском обществе катастрофически снизился, он «не смог простить своим подданным пережитое унижение и страх» (с. 268), «глубокая обида» толкнула его «на поиск новых подданных, которые были бы безусловно лояльны» и «не помнили бы его недавнего откровенного бесчестия» (с. 269). Найдя таковых в лице поляков, он стал умиротворять бывших врагов, осыпать их всевозможными преференциями, «не считаясь ни с общественным мнением в России, ни с экономическими затратами империи на разворачивание этого проекта» (с. 269).

На самом деле в 1812 г. Александр I отнюдь не был «нечаянно пригрет славой». Ведущие исследователи наполеоновских войн (В.М. Безотосный, Д. Ливен и др.) убедительно показали, что он играл тогда вовсе не пассивную роль. Являясь верховным руководителем государства, Александр принимал все важнейшие стратегические и военно-политические решения. Назначив на пост главнокомандующего популярного в войсках М.И. Кутузова, постоянно находился в переписке с ним и с другими членами Главной квартиры. Разработал план ведения боевых действий на второй период кампании, предусматривавший окружение и уничтожение неприятеля на рубеже р. Березина по пути

---

¹⁶ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 157–186.

его отступления. По его распоряжению активно готовились запасные воинские части: состоялось четыре рекрутских набора, шло обучение новобранцев, из которых вскоре укомплектовали Резервную армию. Уже в первые месяцы войны Александр сделал её всенародным делом, начал вторую антинаполеоновскую пропагандистскую кампанию 1812–1814 гг., в ходе которой ему удалось настроить против французского императора общественное мнение как в России, так и в Западной Европе. При этом его главная заслуга заключалась в непоколебимом решении не вступать в мирные переговоры до тех пор, пока на территории страны оставался хотя бы один неприятельский солдат. Ни неудачи начального периода войны, ни оставление Москвы, ни ропот и давление двора не изменили твёрдую решимость Александра, проигнорировавшего несколько мирных предложений Наполеона, что свело на нет саму возможность победы последнего и стало в итоге одной из главных причин триумфа России.

Тезис автора о том, что «главной потребностью... в глазах общества» было «видеть императора воином, который во время войны... руководит армией» (с. 259), и что вернувшегося в Петербург царя считали едва ли не трусом, слишком натянут. На деле общество совсем не привыкло к тому, что монарх во время войны выступает в роли главнокомандующего. После Петра I подобных случаев в истории России не было. Восторженный приём императора в Москве, куда он заехал по пути из армии в столицу, чтобы позаботиться о сборе ополчения в помощь действующим войскам, показал, что его действия пользуются полной поддержкой населения. После оставления Москвы авторитет государя действительно временно упал (как и после заключения в 1807 г. Тильзитского мира), ибо как глава государства он нёс ответственность за происходившее, но Александр, будучи разумным человеком, отнёсся к этому с пониманием. С самого начала войны он осознавал, что вынужденное отступление являлось мерой непопулярной и рано или поздно должно было вызвать всеобщее порицание.

Роли Александра I в Заграничных походах, ставших логическим продолжением Отечественной войны (современные исследователи справедливо считают, что, по сути, это одна большая война 1812–1814 гг., состоявшая из трёх кампаний: 1812, 1813 и 1814 гг.), Болтунова вообще не касается, ограничившись фразой, что «монарх присоединился к армии полгода спустя всё там же — в Вильно» (с. 259). Полагаю, что поистине выдающийся вклад Александра в победу над Наполеоном в 1813–1814 гг. выпадает из поля зрения исследовательницы неслучайно: он не просто не вписывается в её концепцию, но прямо ей противоречит.

При этом Болтунова нарочито акцентирует внимание на случаях «взыскания по службе» по отношению к чинам находившейся в Париже русской армии, интерпретируя это так, будто в глазах государя она «словно не заслуживала быть частью пространства, в котором находилась» (с. 270). Подчёркивается также «похвала храбрости» польских войск, выраженная Александром I при встрече с их представителями во французской столице (с. 287). По мнению автора, «победа России в Европе и падение Франции, по сути, противоречили базовым установкам, усвоенным императором в юности», поэтому он якобы «испытывал серьёзные трудности с осознанием сути произошедшего — того факта, что в роли побеждённого оказалась более развитая цивилизация» (с. 269).

На самом деле Александр был в то время практически единственным политиком в мире, который верил в саму возможность окончательной победы над Наполеоном. После освобождения территории России именно он настоял на продолжении боевых действий, стал организатором и фактическим лидером

шестой антифранцузской коалиции, в которую также вошли Великобритания, Швеция, Пруссия и Австрия, постоянно сглаживал трения между союзниками, спланировал их в период неудач, стараясь не допустить развала альянса. Находясь в войсках, император не только проявил личную храбрость на полях сражений, но и разработал единую стратегию действий союзных войск, а также неоднократно предлагал верные тактические решения. Его распоряжения обеспечили победу под Кульмом 17–18(29–30) августа и Лейпцигом 4(16) октября 1813 г. В 1814 г. именно он убедил союзников вступить на территорию Франции, а затем, не преследуя главные силы вражеской армии, направить войска на столицу, что и привело к падению Наполеона. 19(31) марта русский государь по праву победителя вступил во главе союзных войск в Париж, и это стало апогеем его величия и славы. Авторитет его заметно возрос как на родине, так и в Европе. Благодаря этому он играл ведущую роль при заключении Парижского мира 1814 г. и на Венском конгрессе, став одним из творцов новой системы международных отношений. Тогда же он попытался решить «польский вопрос», ставший в эпоху наполеоновских войн одним из основных в международной политике.

Следует подчеркнуть, что в борьбе за Европу и её послевоенное устройство Александр учитывал в том числе (и даже прежде всего) интересы России. Низложение Наполеона и восстановление «европейского равновесия» требовались для обеспечения мира и стабильности на континенте (а следовательно, безопасности Российской империи), устройство судьбы польских земель являлось органичной частью этого комплекса мер. Болтунова, видимо, так не считает. Манифест 9 мая 1815 г. о присоединении к Российской империи Царства Польского, где новые земли названы «твёрдым оплотом», которым «ограждается пределов наших безопасность», она воспринимает с явным сарказмом. Более того, в адрес императора звучат обвинения в «перевернутой логике», а документу придаётся иной смысл: «В 1815 г. Россия обладала сильнейшей армией в мире, победившей Наполеона двумя годами ранее на российской территории и затем преследовавшей его до Парижа, а... император говорил о слабости — рубежи страны объявлялись “беззащитными”, а безопасность империи прямо увязывалась с появлением на её границе “твёрдого оплота”» (с. 341–342). Между тем о слабости и беззащитности российских рубежей в манифесте вовсе не говорилось. Что касается «оплота», то польские земли действительно рассматривались в качестве такового, причём не только в 1815 г. и не только Александром I.

Необходимо учитывать, что император, испытывавший по отношению к полякам симпатию и сочувствие, сформировавшиеся под влиянием друга юности кн. А. Чарторыйского, начал разрабатывать «польские проекты» задолго до Отечественной войны. В свою очередь князь, бывший в 1802–1806 гг. товарищем министра иностранных дел, активно проводил при русском дворе «польскую линию». В поданных императору записках он развивал идею восстановления «под скипетром России» Польского государства (в идеале в границах до первого раздела 1772 г.). По его мнению, «Россия, присоединив к себе Польшу, создала бы себе в её лице аванпост... оплот, недоступный никакому прямому захвату»¹⁷.

---

¹⁷ Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. В 2 т. Т. 2. М., 1913. С. 138–145.

Однако бывшие территории Речи Посполитой рассматривались как аванпост военных сил и Наполеоном, что привело к образованию в 1807 г. на отошедших к Пруссии польских землях Герцогства Варшавского, находившегося под протекторатом Франции. Оно получило конституцию и наполеоновский гражданский кодекс, но не обрело суверенитета. При этом поляки понимали, что добиться независимости они могут только при помощи одной из соперничавших великих держав — России или Франции. Более того, по мнению кн. Чарторыйского, «всякое соглашение между двумя этими государствами было бы гибельным для интересов Польши»¹⁸. В пользу этого умозаключения князь свидетельствует, на мой взгляд, подписание 4(16) января 1810 г. между Францией и Россией «Конвенции о Польше», призванной «устранить единственный предмет беспокойств, который может повредить [их] союзу». Первая же её статья гласила: «Королевство Польское никогда не будет восстановлено». Затем говорилось об исключении из употребления самих наименований «Польша» и «поляки»¹⁹. Конвенция, впрочем, так и не была ратифицирована.

Анализируя тексты Александра I, обращённые к полякам в 1815 г., Болтунова иронизирует, что в интерпретации императора получалось, будто «польские храбрецы просто выбрали в войне не ту сторону» (с. 352). Между тем им пришлось выбирать «сторону» в прямом смысле слова. В конце 1810 — начале 1811 г. в связи с разработкой российским Военным министерством наступательной операции против Франции Александр I вернулся к упомянутому выше проекту Чарторыйского. В январе 1811 г. он поручил князю секретную миссию: вступить в переговоры с надёжными и влиятельными поляками, с тем чтобы выяснить настроения в герцогстве. Монарх заявил о готовности взять на себя обязательство восстановить Польское королевство путём объединения всех бывших частей Польши, включая области, отошедшие к России (кроме Белоруссии). При этом оговаривалось, что королевство «навсегда» присоединится к России, а российский император будет также именоваться королём Польским. Взамен от поляков требовалось порвать политические связи с Францией и предоставить в распоряжение России 50-тысячный корпус для борьбы с Наполеоном²⁰.

Миссия провалилась. 21 марта (2 апреля) 1811 г. Чарторыйский сообщил Александру, что в герцогстве господствуют профранцузские настроения. Более того, кн. Ю. Понятовский, племянник последнего короля Речи Посполитой, с которым князь вёл конфиденциальные беседы, сообщил о российских планах Наполеону. В итоге в 1812–1814 гг. поляки воевали на стороне Франции (в Великой армии их насчитывалось 118,6 тыс. человек)²¹. Выбор обусловливался не только негативным отношением к России из-за разделов Речи Посполитой, но и убеждённостью в непобедимости Наполеона — в то время почти повсеместной.

«Польский проект» кн. Чарторыйского и Александра I на время был положен под сукно. В общих чертах его реализовали на Венском конгрессе, по

¹⁸ Там же. Т. 1. М., 1912. С. 322.

¹⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. 1. 1801–1815 гг. Т. 5. М., 1967. С. 430–433.

²⁰ См.: Лукашевич А. М. «Польские» проекты // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия. В 3 т. Т. 3. М., 2012. С. 127–128.

²¹ Неуважный А., Васильев А. А. Польские войска Великой армии // Отечественная война 1812 года... Т. 3. С. 126–127.

решению которого большая часть Герцогства Варшавского вошла в состав Российской империи в качестве автономного образования под названием Царства Польского. Особый статус региона вскоре закрепила Конституционная хартия, дарованная Александром 15(27) ноября 1815 г. Важно подчеркнуть, что передача герцогства России рассматривалась императором как справедливая компенсация за пролитую в борьбе с Наполеоном «русскую кровь», а также как способ усиления безопасности западных границ.

Казалось бы, в свете того, что поляки воевали против России, Александр I имел полное право забыть предыдущие проекты и обещания и, по примеру Екатерины II, включить польские земли в состав империи в качестве обычных губерний. Болтунова с явным сожалением и даже осуждением пишет, что император предал «полному забвению» недавнее противостояние, решил «платить за зло добром», «не требовал от поляков раскаяния за совершённые в России преступления, не призывал каяться и жертвовать чем бы то ни было» (с. 326), не принял предложение гр. А.А. Аракчеева конфисковать имения «тех поляков, которые служили Наполеону в 1812 г. и не взирая на дарованные им прощения не возвратились в Россию» (с. 301).

Между тем у него имелся ряд веских причин поступить иначе. Во-первых, жёсткие меры вызвали бы недовольство польского общества и создали бы почву для политических конфликтов. Вместо желаемого «оплота» в западном регионе появилась бы «горячая точка». Во-вторых, Александр был убеждён, что народ, прошедший в общественно-политическом развитии определённый этап, нельзя искусственно отбрасывать назад. Так, в 1814 г., полагая неправомерным прямой возврат пережившей революцию и период империи Франции к «старому режиму», он убедил Людовика XVIII даровать своему народу конституцию. Поляки к тому времени уже обладали политической субъектностью в виде Герцогства Варшавского, имевшего конституцию. Дать им меньше, чем дал Наполеон, русский монарх, разумеется, не мог. В-третьих, Конституционная хартия Царства Польского рассматривалась императором как «пробный камень» в деле реализации давно вынашиваемого им замысла изменить форму правления в России. Варшавская речь Александра в марте 1818 г. при открытии первого Сейма, в которой он заявил о намерении распространить на всю империю польский «конституционный эксперимент», не была пустым звуком. В 1818–1820 гг. по распоряжению императора группа под руководством Н.Н. Новосильцева тайно работала в Варшаве над проектом российской конституции. Осенью 1820 г. её окончательный вариант под названием «Государственная уставная грамота Российской империи» получил высочайшее одобрение. Однако, глубже изучив российскую действительность, государь так и не решился подписать манифест о введении конституции в действие. Её текст обнаружили уже после его смерти, в бумагах Новосильцева во время восстания 1830–1831 гг.

Наконец, необходимо учитывать, что в таком обширном полиэтничном и многоконфессиональном государстве, как Российская империя, правительству приходилось проявлять гибкость и прибегать к усложнению государственного механизма. В целях более мягкой и успешной интеграции в состав империи новые регионы нередко получали различные льготы. Так, например, после присоединения Крыма (а Крымское ханство, как известно, являлось многолетним противником России) татарская знать обрела права и привилегии российского дворянства, а местное население на долгие годы освободили от рекрутской повинности и уплаты подушной подати. Великое княжество

Финляндское, вошедшее в состав России в 1809 г., получило особый правовой статус, отразивший его национальную специфику. Не стоит также забывать, что конституцию Царства Польского, так раздражавшую многих в российском обществе, император *даровал* и в случае необходимости мог по своему усмотрению изменить или даже отменить. На такую возможность, как отмечает сама Болтунова, на польском Сейме 1820 г. намекнул сам Александр, а Николай I воспользовался ею после подавления восстания, заменив Конституционную хартию на Органический статут Царства Польского 1832 г.

Что касается забвения противостояния и платы за зло добром, то Александр великодушно простил не только поляков, но и всех, кто по тем или иным соображениям встал под знамёна Наполеона. Ему действительно было незнакомо чувство мести. Например, в декларации, выпущенной перед вступлением в Париж, он заявил, что «далёк от желания воздать Франции злом за то зло, что претерпел», и хочет доказать французам, что «пришёл воздать добром за зло», а его «единственный враг» — Наполеон²². Во время пребывания в столице побеждённой державы он неоднократно отмечал и «храбрость французских войск». Впрочем, уважение к противнику и его доблести являлось одним из неписаных правил войны в первой половине XIX в., когда благородство и рыцарство ещё не канули в Лету.

Таким образом, польскую политику Александра I, как и любую другую научную проблему, нужно рассматривать с разных сторон, учитывая широкий исторический контекст, а не ограничиваться главным образом «историей эмоций», как это делается в рассматриваемой книге. В противном случае картина получается однобокой, а то и просто неверной. Тем более что такой здравомыслящий политик, как Александр, никогда не руководствовался лишь эмоциями и личными мотивами.

Интерпретация политической стратегии по формированию исторической памяти о войне 1812 г. также вызывает ряд серьёзных возражений. Болтунова отмечает, что в последнее десятилетие правления Александра I «были сформированы два автономных нарратива, апеллирующие к наполеоновским войнам: внутренний, рассчитанный на распространение в Российской империи, и условно внешний, дозволенный в Польше» (с. 333). Во втором из них «упоминание войны», а тем более «указания на то, что Польша была проигравшей стороной», при обоих императорах не поощрялись, зато приветствовались разговоры о польской храбрости и славянском братстве.

С тем, что в Царстве Польском старались без особой нужды не вспоминать о том, что поляки в 1812–1814 гг. находились на противоположной стороне, отчасти можно согласиться. Историческая и культурная память в процессе формирования, как известно, подвергается определённым трансформациям, в том числе и по политическим соображениям. Однако ряд пассажей, выдвинутых Болтуновой в развитие приведённого тезиса (о том, что русским внушалось чувство вины за разделы Речи Посполитой, а полякам предоставили «свободу от обязательств лояльности» (с. 346) и т.п.), являются откровенными перегибами.

В угоду своей концепции автор часто прибегает к недопустимым в научном исследовании приёмам. Например, неверно истолковывает документы, вычитывая в их текстах то, чего в них нет. Так, слова Александра о том, что Россия

---

²² Цит. по: *Рэй М.-П.* Александр I. М., 2013. С. 295.

«простёрла... братские объятия» к Польше, без убедительных аргументов трактуется следующим образом: «Соотносить свои действия с логикой братства народов было для России обязательным, а для Польши — лишь рекомендованным» (с. 347–348). Интерпретация же адресованной полякам фразы из манифеста о создании Царства — «Вожделенное наименование, которое вы столь долгое время, с напряжением всех сил ваших, взывали и для которого столько излили крови» — переходит все границы. Автор заявляет, что император оценил восстановление польской государственности как «единственно верную и всё оправдывающую» цель. Кровь, которую «столько излили» поляки, почему-то трактуется не как их собственная — что и имелось в виду на самом деле, — а как пролитая ими кровь русских. Вывод поражает: «Манифест, конечно, в скрытой форме, заявлял об оправдании убийств, совершённых во время наполеоновских кампаний. Иными словами, в обращении к своим польским подданным Александр легитимизировал действия поляков, объявляя убийство русских ненаказуемым» (с. 344). Перечень примеров подобного рода можно продолжить.

Необходимо также отметить, что, несмотря на «забывание» польско-русского противостояния, о произошедшем помнили, а в случае необходимости недвусмысленно напоминали. Так, в 1818 г. в присутствии императора на Красной площади Москвы прошло торжественное открытие памятника Минину и Пожарскому, посвящённого изгнанию польских интервентов из России в 1612 г. После подавления Польского восстания в местах сражений с поляками (в Варшаве, при Грохове, Остроленке и Якаце) в 1846–1849 гг. поставили памятники, неслучайно выполненные по типовому проекту А.У. Адамини, разработанному для увековечивания наиболее значимых сражений Отечественной войны (в 1839–1850 гг. памятники такого типа появились на Бородинском поле, в Смоленске, Ковно, Малоярославце, Красном, Полоцке и Клястицах). При этом установку памятников в Царстве Польском Николай приказал финансировать из польской же казны.

Современники не могли не обратить внимания и на то, что штурм Варшавы (заключительный аккорд подавления восстания) состоялся 26 августа, в день Бородинского сражения. Пушкин в стихотворении «Бородинская годовщина», вспоминая событие 19-летней давности, когда русская армия сражалась со «всей Европой», которую вела «звезда» самого Наполеона, подчеркнул, что поляки находились тогда в стане врага, и подавление недавнего мятежа — очередная победа над ними: «Ступайте ж к нам: вас Русь зовёт! / Но знайте, прошенные гости! / Уж Польша вас не поведёт: / Через её шагнёте кости!.. / Сбылось — и в день Бородина / Вновь наши вторглись знамена / В проломы падшей вновь Варшавы / И Польша, как бегущий полк, / Во прах бросает стяг кровавый — / И бунт раздавленный умолк»²³.

Ещё больше перегибов содержит толкование автором внутреннего нарратива памяти о войне. С одной стороны, Болтунова справедливо отмечает, что «победа в Отечественной войне 1812 г. ...была осмыслена как одно из величайших событий и предмет гордости» (с. 333), с другой — приписывает императору намерение сознательно сместить акценты от реальности к мистике, чтобы не сохранять память о конкретных героях. По её мнению, якобы «стыдившийся» вспоминать о войне монарх был не прочь вообще «избежать разворачивания

---

²³ Пушкин А.С. Бородинская годовщина // Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. М., 1959. С. 341.

мемориальных практик в отношении победы», однако, поскольку «сдержать этот процесс он не мог», то решил возглавить его, чтобы «вполне сознательно и системно... утверждать найденную им парадигму “священной войны”... уводя мемориальную зону как можно дальше от реалий произошедшего и памяти о людях, сыгравших в войне заметную роль» (с. 332). В подтверждение приводится решение сделать «имперским Днём победы... 25 декабря, то есть Рождество Христово», и построить в знак благодарности Богу храм Христа Спасителя. При этом выбор первоначального места для возведения храма (Воробьёвы горы) объясняется намеренным смещением «пространственного акцента московской мемориализации в сторону от Бородино или даже от центра сгоревшего города» (с. 332).

На самом деле представление о «священной войне» появилось и утвердилось отнюдь не искусственно, одними лишь усилиями власти. Оно обуславливалось национальной спецификой России и мироощущением людей той эпохи. Отечественная война являлась не просто военно-политической борьбой государств, но столкновением двух цивилизаций, имевшим ярко выраженную духовно-религиозную составляющую. Многие современники воспринимали происходившее как противостояние православной России и «безбожной» Франции, а победу над Наполеоном, который считался величайшим военным гением, увенчанным ореолом всемогущества и непобедимости, объясняли не только успехами русской армии и единением всех сословий, но также (и даже прежде всего) действием Божественного Провидения, избравшего своим орудием Россию и её императора²⁴. Совместное решение Святейшего Синода, Сената и Государственного совета присвоить Александру I титул «Благословенный» не являлось простым желанием польстить монарху. В Российской империи, духовной основой которой выступала православная вера, во время войн до и после крупных сражений в армии и на флоте всегда служили молебны, а во всех храмах регулярно читали молитвы «о победе на супостаты». Строить храмы в честь победы — давняя русская национальная традиция. Поэтому решение Александра построить храм Христа Спасителя и ежегодно праздновать в день освобождения территории России «Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминание избавления Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двадцати язык», для которого даже написали специальную молитву, оказалось совершенно органичным.

При этом Александр I вовсе не собирался отнимать славу ни у главнокомандующего, ни у других военачальников, ни у всего своего воинства, что и подчеркнул в Манифесте от 25 декабря 1812 г. В том же храме Христа Спасителя на стенах предполагалось поместить мраморные доски с летописью основных сражений 1812–1814 гг., содержащей перечень участвовавших в них войск, имён военачальников, а также погибших и отличившихся военнослужащих. Эту идею реализовали позже, в новом проекте храма. Тело Кутузова похоронили в Казанском соборе Санкт-Петербурга, где также выставили различные воинские реликвии и трофеи, что превратило собор в памятник войны. В 1822 г. Александр I заказал скульптору Э. Лауницу изготовление памятников Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли для установки перед собором. В силу сложности задачи (полковод-

²⁴ Подробнее см.: Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М., 2012. С. 15–49; Мельникова Л.В. Православная Россия против «безбожной» Франции: Русская Церковь и феномен «священной войны» 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2014. С. 192–211.